

Ярослав Легостаев

Ego

18+

Ярослав Легостаев

Ego

<https://litres.ru/74000521>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пригородный электрический поезд. Утро. Пассажир – Истомин В. оказывается втянут в сложную ситуацию, порой граничащую с безумием по своему характеру. Но что легло в основу всех событий? Вполне возможно, именно он – их главный зачинщик.

Содержание

Его	4
Вступление	5
1	9
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ярослав Легостаев

Ego

Ego

Вступление

-Вот, садись сюда.

-А ты?

-А я... сейчас подойду.

Россия села на полутвердую кушетку электрички, поближе к окну, и отвернулась от уходящего попутчика. Пейзаж снаружи уже тронулся, но пока неспешно, утренним ленивым движением. Кусты за окном подтверждали всеобъемлющую медлительность шести часов утра, перебирая ветвями с завидной плавностью. И плавностью же, будто отливом в северном море, было затянуто все вокруг.

Россия про себя задалась вопросом, откуда в голове взялась такая ассоциация, которую если положить на язык и долго-долго смаковать, то будет появляться вкус постоянного присутствия и неясной этимологии и больше почти ничего, не считая мелких привкусов, включающих принадлежность всем людям, но только во сне и прочее. Ответ, как и все ответы на фундаментальные вопросы, нужные человеческому существу, не нашелся, но проявился сам собой, вылез на поверхность скрюченным подснежником.

Для России все четыре времени дня, по своей продолжительности и тягучести имели вес, причем разный, варьируемый от ее личных предпочтений, мировосприятий в конкретный момент жизненного пути. Но какое бы отношение

и понимание у нее не возникало ко дню, к вечеру или ночи, утро, с самого детства России, ощущалось необычайно одинаково. Да, утро, несомненно, было наидлиннейшим из всех времен дня, даже если делить их поровну, на шесть часов. Утро в ее жизни являлось гостем редким, в отличии от трех остальных, и, возможно, поэтому с ним складывалось такое взаимодействие. Чаще России приходилось вставать ближе к полудню, когда утром уже не пахнет. И эти дни, начинающиеся в полдень, за ее некороткую жизнь наложились друг на друга, став уже не каждый новым, а просто трафаретом. Но утро, в силу своей редкости, еще не успело задеревенеть в хитросплетенных закоулках мозга. Потому, встав сегодня в пять утра, и через час уже сидя в этой электричке, следующей до Заволжья, Россия все видела гораздо расторопнее, за присутствием приставки «не».

Помимо всех вкусов и привкусов, у ассоциации – вполне может быть, что не у нее, а просто у затуманенных ранью рецепторов, путающихся в пудре органолептических свойств – имелось также послевкусие. Оно пощипывало мелкими пузырьками по стенкам горла; когда же пузырик лопался, из него вырывалось пение, декларирующее русские стихотворения про природу и все эти звуки до ужаса сильно коррелировались с органом чувств, под названием глазное яблоко, ибо в миг, в который Россия смотрела на проплывающую мимо березу, пение затягивало: «Белая береза...». Когда другой пузырик взрывался, вытесняя лишний воздух из горла,

на место пения приходил обычный голос, шепчущий прямо в уши, минуя пространство вне тела, проходящий сквозь ткани. Голос, тоже на удивление вязко, чуть дородно, растягивая безударные «о», говорил: «куда пошел твой попутчик, Россия? Не кажется ли тебе, что он тебя оставил навсегда? Ты опять доверилась, значит, опять можешь быть обманута».

Мысль, в противопоставление всему происходящему рядом с ней, не замедлилась. И, так как Россия была филологом по образованию, следующая созданная мысль возникла в форме пятиконечной звезды, на концах которой, будто париками, болтались волосы разных цветов. В основном все они были с оттенками седины. То – форма. Что касается содержания, его составляли стройные, параллельные, идентичные друг другу, как ходы в шахматном дебюте, конструкции. Они то сливались воедино, образуя жирную комбинацию букв, то опять расслаивались.

Россия посмотрела на чуть помутненное стекло окна, где грязный налет вывел слова: «нет, этот не обманет. Не бывает так, чтобы меня обманули, который раз подряд». И дыхание ее успокоилось.

Россия продолжала ехать в электричке, уже набравшей достаточную скорость, наслаждалась неторопливым ходом времени. Ждала возвращения своего товарища.

«Но, а если все-таки обманет? Что тогда?», - все не унималось послевкусие, и сейчас складывалось впечатление, что пол поддакивает ему.

-Тогда я больше никогда никому не поверю, - вполне громко и уверенно говорит Россия, и все пассажиры вагона, а их было ровно ноль, оборачиваются.

Россия ухмыляется сама себе, производя еще одно сложное размышление где-то в красивой голове и в очередной раз отмечает то, как долго тянется время – табло под потолком сообщает, что прошло всего пять минут с отправки состава.

Впрочем, двадцатисантиметровая отвертка, проткнувшая Россию насквозь, поперек всего туловища, порвав мягкие ткани, повредив почку, печень, кишечник, перикард, кажется самым быстрым мгновением, бывшим в ее жизни. И это откровение становится крайним взбрыкиванием рьяно гаснущего сознания России.

1

Оставив Россию в одиночестве, Вадим вышел в тамбур электрички, постоял в нерешительности у обшарпанных дверей, мельком глянул обратно, на спутницу, и поспешно прошел в следующий вагон, с трудом раздвинув шарнирный проем.

Объявление на стене гласило, что туалет находится через один пролет. Мужчина ускорил шаг, все желая обернуться, но в последний момент ловя себя на этом бессознательном движении и останавливая непослушный шейный порыв.

Электричка покачивалась из стороны в сторону, как задетая минуту назад неваляшка. Вадим придерживался за края спинок, попутно всматриваясь в лица пассажиров. В отличие от вагона, где осталась Россия, здесь людей было несколько: двое подростков, с сонными очертаниями щек, сидящие вповалку, потом женщина в возрасте, спрятавшаяся подбородком за громоздкой сумкой, в конце – мужчина, на вид ровесник, но сходства на том заканчивались, ведь грузный топот Вадима колебаниями подбрасывал его худые ботинки, а светло-русые, блестящие на попадающем в окно свете волосы отражали густые черные пряди сидящего.

Туалетная кабина была не занята. Вадим втянулся внутрь и прикрыл за собой дверь, не поворачивая замка. Тесное пространство занимал рукомоийник, над которым, неодоб-

рительно косясь, висело зеркало. Мужчина включил воду, полившуюся тонкой струйкой, одновременно рассматривая свои мрачные черты. Они содержали в себе следующее: словно грязной губкой промокнули мирскую скорбь, а после – пропитали ей каждый изгиб, каждую морщинку, каждый волос лица. Зеркальную рябь составляло то, что осталось от некогда существовавшего Истомина В., натурально запечатленного только в памяти тетрадной обложки, – плода тактильной любви шариковой ручки и страницы. Потускнелые губы, брови и сам цвет кожи были под цвет поверхности, а не наоборот, как бывает обычно. Не отнимая взгляда от вибрирующего зеркала, он стоял под звук сочащейся воды. Внутри него клекотало ожидание. И смутное, неосознанное ощущение, чем-то отдаленно напоминающее желание улыбнуться, горько и смиренно, бултыхалось на дне этого клекотания.

Из отстраненной задумчивости его вывели руки, самостоятельно протянувшиеся к крану. На правом запястье туго держалась черная шелковая лента и, когда Вадим увидел ее, то будто бы весь собрался, вернувшись в осязаемую реальность.

Смачно намочив руки и зачерпнув небольшое количество (две жмени – приблизительно шестьдесят грамм) воды в ладони, мужчина окропил голову, активно поднимая и опуская веки, чтобы глаза больше не застлало непонятным туманом дум. Мимо туалета прогрохотали чьи-то ноги, и на секунду Вадиму показалось, что сейчас дверь откроется и за ней объ-

явится обладатель шумной походки. Впрочем, ничего такого не произошло: шаги, уже гораздо тише, удалились дальше, в сторону, противоположную стороне, откуда пришел Вадим. Он подождал достаточно для того, чтобы человек не обратил на его выход внимания, но при этом он сам смог бы в подробностях рассмотреть фигуру уходящего. Дверь с тихим звуком открылась, вовлекая на время описывания дуги в поездную качку еще сильнее, чем чувствовалось прежде. У Вадима сложилась картина такая – он и поезд, являясь одним целым, сначала плавно качаются, идя по рельсам со скоростью около восьмидесяти, затем они уже не просто качаются, они едут в самый шторм, и вот-вот волной собьет поезд и его самого с рельс...

Вадим отпустил ручку. Даже спины прошедшего уже не было видно – по крайней мере, в ближайшем от него проходе. Про себя выругавшись, мужчина заспешил обратно к России. Минуя тех же пассажиров второй раз, он отметил неизменность их количества и то, что позы у них поменялись незначительно, ничьи ботинки больше не подпрыгивали.

Россия сидела также, как и при нем. Приближаясь к ней, Вадим с каждым шагом ступал все тяжелее, судорожно перебирая в голове всевозможные сценарии. «А вдруг?..»

Но нет, Россия была мертва, и голова теперь как-то неестественно лежала на плече, приоткрытый рот не дышал, а на просматривающихся мелких зубах виднелись красные прорези. Двусторонняя рана вытягивалась муравьиной вере-

ницей крови на сидение; ниже – под него. Вереница, правда, уже застыла, надолго оставив свой маршрут чуть ниже сумки-бананки, четко вкрапив замысловатый узор в светлые тона одежды.

Вадим сосредоточенно вдохнул и выдохнул. Все произошло именно так, как он рассчитывал. Оставалось только окончить начатое, направить давно запущенный механизм в бездну.

Взгляд, уже целенаправленно, остановился на запястье правой руки, на черной ткани, до боли сжимающей кожу и одновременно душу.

2

Как по команде стартового пистолета, голову Вадима стремительно начали заполнять мысли, перемежающиеся с воспоминаниями. С третьей стороны напирали, расталкивая остальных, импульсы, побуждающие конечности двигаться. В сумбурной совокупности получалось непреодолимое рагу: раз-два-три, первое-второе-третье – повторите все два раза.

Электричка, идущая из пункта А в пункт Б. Средняя скорость – 80 километров в час. Остановок нет, кроме той, откуда отправляется и той, куда прибывает.

Вадим убедился, что орудия убийства на месте нет.

«Судя по всему, каким-то колющим предметом, что-то наподобие длинной отвертки... да, как специально заготовленной для того, чтобы четко, быстро, одним движением убить».

В электричке всего двадцать пять человек на восемь вагонов, не считая машиниста с помощником. Если убрать Россию и самого Вадима, остается двадцать три.

Вадим кинулся обратно, уже почти наверняка зная, что убийца проходил мимо него в туалете.

«Со спины, она, скорее всего, ничего и понять-то не успела, прямо за ней, из прохода били».

Среди этих двадцати трех совершенно точно есть тот, кто совершил убийство сегодня и еще одно полтора месяца на-

зад.

Четверо пассажиров в смежном вагоне теперь все сидели какие-то подобранные, словно почувствовав общее настроение, пронзившее состав.

«Я не уверен, что это преднамеренно. Может, какой алкаш или просто психованная сволочь. Не стоит считать, что есть маньяк и будет серия».

В совершенно замкнутом пространстве этого человека не составит труда найти. Время в пути – один час десять минут. Сейчас уже меньше, но час остается точно.

Вадим припал к лицу мужчины, сидящего в конце, и шепотом, на ухо, спросил: «сейчас, с минуты две назад, передо мной в ту сторону, - он указал, - проходил кто-то. Как он выглядел, вы не видели?».

«Решительно ничем не могу помочь. Тут любое следствие зайдет в тупик. А что ты хочешь? Электричка допотопная, камер нет, пассажиров тоже почти нет, все уже бессмысленно. Если бы еще тогда...».

Весь этот водоворот, перемешавшийся в болезненном сознании, не позволял сконцентрироваться, вовлекал в свою водяную грудку все сильнее. Поэтому, когда мужчина ему отвечал, Вадим на секунду замешкался, пытаясь не дать голосу затеряться в нестройном ряду мыслей. Замешательство помогло - кнутом выстегнуло слишком резво побежавших марфонцев.

Ответ слушал полностью сосредоточенный Вадим. Он сам

стал средоточием.

-Кроме вас здесь проходил только один человек, да, я как раз помню, потому что он задел меня. У него лицо было такое красноватое и не особо бритое, а глаза, кажется, да, очень голубые...

Вадим перебил:

-А ничего особенного не заметили в нем?

-Нет, но почему вы спрашиваете? Что-то случилось?

Мужчина, хоть и вчуже нервничая, пытался как-то соответствовать напору Вадима, что тот сразу уловил, впрочем, не придавая особого значения.

-Нет, ничего, просто потерял знакомого, он должен сегодня здесь ехать. И вы мне очень помогли, спасибо, пойду найду его и сделаю сюрприз.

-Так, значит, с красным лицом, ваш знакомый?

Вадим уже собрался побежать дальше, но громкий вопрос, на который отвлеклись и сидящие вповалку подростки и зашевелилась женщина, и который сопровождала хватка за локоть, остановил его.

-Да, я же сказал, - Вадим чересчур резко освободился от руки, так, что чуть не стукнулся запястьем о стену, - спасибо.

Ответив, он, почти бегом, покинул вагон. Дальше – уже знакомый туалет по правую сторону, потом – следующие за ним места, проход между которыми вилял, улыбаясь обшарпанным полом. Какой-то пенсионер, сидящий рядом с раскладой в пластиковых стаканчиках, встрепенулся, увидев Вадим

ма. Но в тот момент он лишь убедился, что лицо пенсионера не красное, а глаза, кажется, не светлые и проскочил вперед. Сердце натягивалось в груди и через каждые несколько ударов выстреливало с такой силой, что дрожала грудь, дрожала и легкая футболка. Ладони вспотели и прозрачный холодный пот уже капал с них.

Все дело было в том, что вагон, в который заходил Вадим, был первым в составе. К нему примыкала кабина машиниста, и на этом заканчивалась вся электричка. Времени больше не оставалось: проходя через тамбур, мужчина понимал – сейчас решится вся жизнь. Он раздвинул шарнирный проем и вступил, как в другой мир, в вагон.

Свет внутри падал как-то по-особенному. Лучи карабкающегося в зенит солнца здесь трепетали с усиленным старанием. Вадим уже видел необходимую голову, торчащую над кушеткой. Хоть человек и сидел спиной к нему, его темноватые волосы словно росли из красноты, описанной минутой ранее. А отвертка, длиннющая, похожая на жало, та самая, пронзившая Россию вдоль всего туловища, лежала прямо за ним, на предыдущем месте. Легкие кровоподтеки огибали акварельными взмахами всю ее конструкцию. Отвертка лежала не вызывающе, почти незаметно, почти западая в щель. И для Вадима этот аргумент оказался решающим в его обвинительном приговоре.

Звук открывающейся двери не мог быть неуслышанным, однако убийца не пошевелился. Вадим замедлил шаг, только

желая собрать все свои силы, ведь действия были продуманы заранее. У него не было с собой никакого оружия, голые руки и желание воздать за страдания. Черная лента добавляла кулаку, сжато до предела, увесистости. Ему почему-то вспомнилось, как в молодости он ходил в опасные районы, выложив из кармана нож, желая надеяться на возможности своего тела, а не на смертоносный инструмент.

Вадим максимально приблизился сзади, поравнявшись с отверткой. Обернулся, дабы убедиться, что за ним никто не пошел. Но убийца, слыша все звуки, обязательно заподозрив неладное, передвинул корпус и теперь во всю тарасился на мужчину. Лицо полностью подошло под словесный портрет, разве что иссиня-приплюснутый нос можно было добавить. Серые глаза выражали по-детски наивное удивление. Это и то, что от холодного корпуса отвертки источалась невыносимая боль, будто проникающая через бедра Вадима, разъярило его окончательно.

Мясистый кулак мужчины рассек солнечный луч и со всего маха прилетел прямо в центр красного лица. Убийца на секунду дернулся вперед, пытаясь неумело уклониться от удара, но безуспешно: сильное попадание сбilo его с места и уронило на пол. Он сразу же вяло застонал, пытаясь подняться, но путаясь в собственных ногах. Одной рукой он держался за кресло, другой вцепился в нос, и через щелочки пальцев начинала просачиваться кровь. Вадим схватил его за ворот рубашки, до смешного не шедшей к красному лицу, и

поташил к тамбуру, соединяющему состав и кабину машиниста.

Убийца, поняв, что дело серьезно, и удар – не ошибка, начал сопротивляться. Отцепившейся от сидения рукой он стал беспорядочно бить по ногам Вадима, а второй – заслоняться от ответных ударов. Вадим отпустил ворот и, двумя ладонями зажав голову лежащего, дернул ее к железной стойке под кушеткой. Голова легко поддалась и приглушенно стукнулась о металл. На горизонте алой зари лба пролегла продольная тень грома-боли. Потерянный убийца схватил, из последних сил, штанину и пытался, как краб клешней, видимо, остановить Вадима. Тот же был неумолим и ногой, за которую цеплялся убийца, попадал раз за разом ему по лицу, до тех пор, пока противник окончательно не обмяк.

Пот стекал уже и по спине Вадима. Мужчина сгреб в охапку убийцу и затащил в крайний тамбур. Дверца в кабину машиниста покачивалась соразмерно электричке, но все равно как-то не так. Вадим бросил бессознательное тело в угол, встал, чтобы отдышаться. Посмотрел на часы: до прибытия оставалось пятьдесят минут. «Слишком долго, слишком, - пронеслось в голове, - если кто-то зайдет, то будет нехорошо, лишняя паника... Боже, вот я его и достал. Моя родная, моя Варя, Варечка... нет, я не сделаю из него мученика». Убийца зашевелился, снова хрипя что-то. Вадим выжидал, ничего не предпринимая.

Прошла еще минута. Избитый потихоньку поднимался,

одну руку, по направлению к Вадиму, держа выставленной. Раскинутые полурозой ветров пальцы дрожали, линия жизни в свою ложбинку вобрала кровавый росчерк. Вадим хорошо вгляделся в лицо, найти которое хотел последние полтора месяца. С тем, что ему представлялось, оно не имело ничего общего. Ему виделось некое эфемерное зло, вобравшее в себя черты всех преступников мира, с диким, животным оскалом и наглыми, бесстрашными глазами. Пред ним же вставал обыкновенный мужчина, из тех, кто обычно встречается в толпе по утрам, тогда, когда идешь на работу. Красноватое лицо вследствие чрезмерной пьянки вчера, а сегодня – бесконечная нелюбовь к себе и груз апатии. Но, и Вадим теперь это знал, внешний вид бывает обманчив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.